

Постсоветское пространство

Политические процессы в постсоветской Центральной Азии

Дина Борисовна МАЛЫШЕВА

доктор политических наук, зав. сектором Центральной Азии Центра постсоветских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: dsheva@mail.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Малышева Д.Б. (2018) Политические процессы в постсоветской Центральной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 3. С. 36–52. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-36-52

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются современные внутривнутриполитические процессы в государствах постсоветской Центральной Азии. Рассматриваются особенности функционирования их централизованных политических систем, а также взаимодействие исполнительной (президент и правительство) и законодательной (парламент) ветвей власти в условиях сложившегося в большинстве стран региона авторитарного типа правления. Обращено внимание на то, как правящие элиты в целях политической мобилизации используют процедуры электоральной демократии (выборы и пр.), носящие по большей части формальный характер. Определено место в структурах власти как официально признанных политических партий, так и оппозиционных объединений, которые разделяются в основном на светские и религиозные (исламистские). Неформальные политические структуры, функционирующие в ряде случаев в виде территориальных или родовых кланов, рассмотрены в статье в качестве специфической характеристики центральноазиатских обществ. На основе анализа политических процессов в центральноазиатских странах сделан вы-

вод: в целом в регионе завершен период постсоветского транзита и появились пусть авторитарные, но в целом консолидированные режимы нового типа, формирующие суверенную государственность и независимую внешнеполитическую стратегию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический процесс, Центральная Азия, авторитаризм, политическая система, президент, власть, политическая элита, партии, оппозиция, кланы

Рассмотрение политических процессов в современной Центральной Азии (ЦА) в контексте дихотомии «авторитаризм – демократия», а их политических систем – в привычных западной политологии формулировках, включающих такие понятия, как «тоталитаризм» (см., например, [Lewis 2008]), в наши дни не выглядит столь актуальным по причине кардинальной трансформации самой мировой системы, качественных изменений в ее западном сегменте, глубокого кризиса либерализма – как идеи и как основы для строительства нового миропорядка, о котором с начала 1990-х гг. на Западе (да и в России) грезили очень мно-

гие. Как подчеркивает американский политолог, дипломат и президент Совета по международным отношениям Ричард Хаас, «увядающий либеральный мировой порядок сегодня не является больше ни либеральным, ни мировым, ни упорядоченным... Либерализм отстывает. А демократии ощущают на себе все большее влияние популизма. Политические позиции в Европе завоевывают экстремистские партии... Все труднее становится говорить о мире как о едином целом. Мы наблюдаем возникновение региональных порядков – или же беспорядков, как ярче всего продемонстрировал Ближний Восток – каждый из которых имеет собственные характеристики. Попытки выстроить глобальную (читай: либерально-западную. – Д.М.) конструкцию провалились» [Haass 2018].

На таком усложняющемся международном фоне бывшие советские республики ЦА, которые в процессе политического «взросления» не пренебрегали внешними заимствованиями, пытаются выстраивать собственную государственность [Лаумулин 2016], и она уже не вписывается в создававшиеся долгие годы представления о странах региона как о сколках советской модели, восточных деспотиях или же «островках демократии в преимущественно авторитарном пространстве» (расхожее западное клише, адресуемое обычно Кыргызстану). Более рациональной выглядит оценка известного исследователя из Казахстана К.Л. Сыроежкина, который утверждает: в регионе ЦА «сформировались вполне консолидированные политические режимы нового типа, которые никак не вписываются в логику классической модели транзита» [Звягельская 2011, с. 191]. Очевидно и то, что за десятилетия, прошедшие со времени провозглашения независимости, центральноазиатские государства стремительно трансформировали свои

политические системы из посткоммунистических в централизованные, сочетающие элементы авторитаризма с «управляемой демократией».

Специфика централизованных политических систем ЦА

Националистам, игравшим в конце 1980-х гг. заметную роль в политике республик региона и попытавшимся с обретением независимости войти во власть, сделать это не удалось.

В Таджикистане противостояние властей, олицетворявших старую советскую номенклатуру, и оппозиционных исламско-демократических и националистических партий и движений (Демократическая партия, Национально-демократическая партия «Растохез», Партия исламского возрождения Таджикистана – ПИВТ, Лали Бадахшан) приобрело наиболее драматичный характер, вылившись в гражданскую войну. Добиться в ней перевеса оппозиции, имевшей изначально весьма ограниченную базу, не удалось. Не смогла она взять реванш и по завершении междоусобицы – при создании в 1997 г. Комиссии по национальному примирению и при легализации в 1999 г. деятельности политических партий. Президентские выборы 1999 г. выдвигенец ПИВТ Давлат Усмон проиграл; неудачными (всего два места) стали для этой партии и парламентские выборы марта 2000 г.

В соседнем Узбекистане гражданской войны не было, однако и там националистическая оппозиция не смогла пробиться во власть. Причин несколько. Одна из них заключается в том, что партии «Бирлик» («Единство») и «Эрк» («Свобода»), попытавшиеся совместить национализм с борьбой против «коммунистического тоталитаризма», а также с идеями демократи-

ческих преобразований, не смогли выдержать конкуренцию с исламом и его политическими движениями – «Товба» («Покаяние»), «Адолат» («Справедливость»), узбекский филиал Исламской партии возрождения, «Ислам и демократия» с ее идеей создания «единого мусульманского Туркестана»¹.

Кроме того, выдвинутые узбекскими националистами лозунги борьбы с «советским колониализмом», ответственность за продвижение которого возлагалась и на русских, оттолкнули от этих политиков русскоязычных граждан республики. Сыграл свою роль и характер установившейся в Узбекистане жесткой и централизованной политической системы, хотя сначала президент И. Каримов попытался найти общий язык с исламскими объединениями и надеялся даже мирно инкорпорировать их в государственные структуры. Однако исламская оппозиция, все больше склонявшаяся к радикализму, не оставила у руководителей республики сомнений в том, что готова прибегнуть для осуществления своих целей к насильственным методам и представляет самую серьезную угрозу, поэтому государство повело с ней бескомпромиссную борьбу. Запрет распространился и на любые проявления несогласия с выдвигавшейся руководством республики официальной линией; это вывело за пределы легальной политической деятельности даже умеренную оппозицию.

В Казахстане, где удалось сформировать сильную президентскую вертикаль, вознесенный на ее вершину Назарбаев сумел заручиться поддержкой государственных структур и региональных кланов. Возникшие в Казахстане в бурное перестроечное время националистические течения были

организационно слишком слабы, чтобы суметь бросить серьезный вызов главе государства. Тем не менее некоторые политические партии (в их числе – Партия национальной независимости «Алаш») попытались вбросить в политическое пространство Казахстана идеи тюркского единства и Казахстана как ядра нового Великого Туркестана [Звягельская 2011, с. 11–12]. Эту идею, однако, перехватила у оппозиции правящая казахская элита, успешно овладевшая в 1990-е гг. националистической риторикой. Со временем президент Казахстана превратился в самого активного в ЦА проводника проекта «тюркского содружества», и местным националистам не осталось ничего другого, как поддерживать этот новый для республики политический тренд.

Особый случай представлял Туркменистан: его политические трансформации, навеянные перестройкой, вообще обошли стороной, и здесь не возникло никаких новых партий или общественных движений, тем более оппозиционного или же националистического толка. В Киргизии отдельные политики пропагандировали националистические идеи, но сформированных на такой идеологической платформе структурированных партий или же движений в тот период в республике так и не появилось.

Менее удачной оказалась попытка внедрения на политической почве ЦА модели демократической модернизации. В значительной мере это было связано с тем, что фундаментом, на котором в республиках ЦА возводились строго иерархические государственные конструкции, была собственность – общенародная в советские времена, но потом успешно перераспределенная

1 Абдуллаев Е. (1997) Ислам и «исламский фактор» в современном Узбекистане // *Central Asia & Central Caucasus Press AB, no 6* // http://www.ca-c.org/journal/12-1997/st_12_abdullaev.shtml, дата обращения 14.04.2018.

властными элитами в свою пользу – таким образом, что государство в лице нового политического класса «объявило себя юридическим собственником средств производства» [Аликберов, Звягельская 2013, с. 151]. К слову сказать, такой же «строительный материал» (общенародная собственность) использовали правящие классы для консолидации своей власти в других независимых государствах, создававшихся на руинах СССР. Там укрепление централизованных политических систем повсеместно сопровождалось расширением контроля над собственностью, в результате чего власть и собственность стали слившимися понятиями. И ЦА не стала исключением.

В странах региона ускорился процесс сращивания политических элит с бизнес-структурами, что давало дополнительные преимущества «семьям»/кланам, находившимся на вершине власти. Если в досоветские времена местные эмиры получали безграничные полномочия благодаря контролю над ресурсами (ирригацией), то в наши дни во владении правящих господствующих групп оказывались целые сектора экономики – энергетика, хлопкообрабатывающая промышленность, транспорт, строительство и пр. [Starr 2006, p. 8].

В Казахстане (см. подробнее, например: [Агеев 2008]) родственники президента (Рахат Алиев и Дарига Назарбаева, Тимур Кулибаев, Алтынбек Сарсенбаев и др.), занимая государственные посты, становились одновременно главами различных финансово-промышленных групп. Одна такая группа, руководимая «вторым зятем» Тимуром Кулибаевым, в 2005 г. контролиро-

вала значительную часть банковского сектора РК, мобильную связь, ведущую нефтяную компанию Казахстана «КазМунайГаз», нефтеперерабатывающие предприятия². Бывший вице-премьер и глава администрации президента Ахметжан Есимов, являющийся, по некоторым сведениям, племянником президента РК [Зенкович 2005, с. 294], перешел в 2017 г. от руководства престижной национальной компанией «Астана ЭКСПО-2017» (она занимается организацией и проведением одноименной выставки в Казахстане) к управлению фондом национального благосостояния «Самрук-Казына», доля которого в национальном производстве составила в 2016 г. свыше 7,5%, а стоимость активов – 26,7 млрд долл³.

Максим Бакиев, сын президента Кыргызстана Курманбека Бакиева, возглавившего страну в 2005 г. после «революции тюльпанов», стал в 2009 г. руководителем Центрального агентства Кыргызской Республики по развитию, инвестициям и инновациям, которое контролировало одну из самых прибыльных отраслей народного хозяйства – золотодобывающую [Кадыров 2010, с. 67]. Однако в 2010 г. в Кыргызстане грянула новая «революция», и обвиненные в коррупции Бакиевы бежали из страны.

В Узбекистане также созданы все условия для того, чтобы представители правящей элиты реализовывали свои интересы в сфере бизнеса. Старшая дочь Ислама Каримова Гульнора до своей опалы владела теле- и радиоканалами, была акционером ряда газовых, хлопковых и пр. отраслей. Младшая дочь Лола занимала пост постоян-

2 Грозин А. (2005) Кто есть кто в современном Казахстане // Арабески. 7 ноября 2005 // <http://arabeski.globalrus.ru/opinions/137358>, дата обращения 14.04.2018.

3 Масанов Ю. (2017) Ахметжан Есимов стал главой «Самрук-Казына». Что о нем известно? // Informburo.kz. 23 декабря 2017 // <https://informburo.kz/stati/ahmetzhan-esimov-stal-glavoy-samruk-kazyna-chto-o-nyom-izvestno.html>, дата обращения 14.04.2018. См. также официальный сайт компании (<https://www.sk.kz>).

ного представителя Республики Узбекистан при ЮНЕСКО, в то время как ее муж Тимур Тилляев контролировал, по данным узбекских оппозиционеров, крупнейший оптовый рынок Ташкента, Asia Alliance Bank, транспортную компанию Abu Saxiy Nur, занимавшуюся – в том числе и под прикрытием службы национальной безопасности Узбекистана – нелегальным (а значит и беспошлинным) ввозом в страну товаров⁴.

Властные структуры в ЦА действуют на основе патрон-клиентельных отношений. Ко всем вовлеченным в политику адресовано требование (не всегда, впрочем, соблюдающееся) абсолютной лояльности лидеру. Как отмечается в одном из исследований, сильный удельный вес в политической элите обретает этнократия – интеллектуальные, политические, культурные лидеры, носители по преимуществу самосознания титульного этноса/нации; обнаруживается «закрытость политических элит от остального населения, огромный отрыв от него в экономической, политической, информационной и ментальной сферах» [Крылов 2017, с. 125].

Обращая внимание на формальный характер функционирования в большинстве стран ЦА политических институтов, политолог и член аналитической платформы «Алматы-клуб» (Казахстан) Санат Кушкумбаев подчеркивает: «Власть и собственность остаются у элит, социализировавшихся и впитавших ценности бюрократического и квази-эгалитарного советского общества. Соответственно, несоветские подходы и установки, парадоксальным образом приобретя национальный колорит, вновь ожили и получили институциональную основу. Власть бывших республиканских партийных лидеров

стала системой президентского правления, позиции первых секретарей областных комитетов партии трансформировались в должности акимов/хакимов (губернаторов) регионов, верховные советы стали именоваться парламентами (меджлисами, кенешами). Но при этом представительные и судебные институты не стали самостоятельными органами власти, превратившись в имитационный атрибут для формальной легитимации квазисистемы разделения ветвей власти» [Ларуэль 2017, с. 7].

Универсальным типом политических систем в ЦА стали сильные президентские республики, где в руках исполнительной власти оказалась сосредоточена львиная доля властных полномочий и исключительных прав. Демократические по форме, эти политические системы являются авторитарными либо традиционными по своему содержанию, поскольку, как показывает казахстанский ученый М. Лаумулин на примере некоторых центральноазиатских стран, в них «полномочия президента практически ничем не были ограничены» [Лаумулин 2016, с. 96]. Роль исполнительной власти оказалась, таким образом, гипертрофирована, в то время как процедуры электоральной демократии используются властью, по меткому замечанию И. Звягельской, «как одна из форм политической мобилизации» [Звягельская 2009, с. 59].

Хотя во всех пяти центральноазиатских республиках формально присутствует разделение властей на три ветви (исполнительная, законодательная и судебная), до независимого друг от друга функционирования этих ветвей во всех странах ЦА все еще очень далеко. Парламенты весьма ограниче-

4 Спецслужбы Узбекистана в Латвии: от «отмывания денег» до наркотрафика (2016) // Uzjalqharakati.com. 15 апреля 2016 // <http://uzjalqharakati.com/ru/archives/12019>, дата обращения 14.04.2018.

ны, они не способны поменять принципы формирования власти, повлиять на разработку принципиальных параметров и направлений внутренней и внешней политики.

Некоторым исключением являются Казахстан и Кыргызстан: там в отличие от остальных центральноазиатских стран парламенты стараются наделить большей самостоятельностью и независимостью.

Структурные корректировки политических систем Казахстана и Кыргызстана

Президент Назарбаев называет Казахстан «демократическим, светским, социально-правовым и унитарным государством, для которого человек, его жизнь, права и свободы представляют главную ценность» [Назарбаев 2017, с. 47]. Показателем близости политической системы Казахстана к требованиям, предъявляемым к власти в демократическом государстве, являются регулярно проводимые в стране относительно свободные парламентские и президентские выборы, что влечет за собой чередуемость пребывания должностных лиц на парламентском и правительственном уровнях. В Конституции заложен принцип разделения властей, существует относительный плюрализм СМИ.

Логика дальнейшего поступательного движения в сторону демократизации политической системы побудила руководство республики приступить к существенным структурным корректировкам. В частности, наме-

тилась тенденция к наделению парламента большими функциями за счет перераспределения отдельных полномочий президента. 3 июля 2017 г. президент Назарбаев подписал Конституционный закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам перераспределения полномочий между ветвями государственной власти»⁵. Как отметил Назарбаев в своем телеобращении, принятие такого закона обусловлено необходимостью «сбалансировать отношения между ветвями власти на конституционном уровне, <...> усилить роль Парламента в формировании Правительства, повысить ответственность Кабинета министров перед депутатским корпусом <...> передать значительную часть установленных законом полномочий Президента по регулированию социально-экономических процессов Правительству и другим исполнительным органам <...> для Президента в новых условиях приоритетами станут стратегические функции, роль верховного арбитра в отношениях между ветвями власти. Глава государства сконцентрируется также на внешней политике, национальной безопасности и обороноспособности страны», в то время как «роль Правительства и Парламента значительно усилится»⁶.

Следовательно, внутривластные процессы в Казахстане в обозримой перспективе будут развиваться в контексте инициированных президентом Назарбаевым институциональных реформ и конституционных изменений, которые должны способствовать реализации многоступенча-

⁵ Закон Республики Казахстан от 3 июля 2017 г. № 86-VI (2017) // Adilet.zan.kz. 3 июля 2017 // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000086>, дата обращения 14.04.2018.

⁶ Обращение Президента Республики Казахстан по вопросам перераспределения полномочий между ветвями власти (2017) // Ibirzha.kz. 25 января 2017 // <http://ibirzha.kz/obrashhenie-prezidenta-respubliki-kazahstan-po-voprosam-pereraspredeleniya-polnomochij-mezhdu-vetvyami-vlasti>, дата обращения 14.04.2018.

той программы политического транзита. Усиление роли политических институтов путем делегирования парламенту дополнительных полномочий видоизменит определенным образом иерархию принятия политических решений и должно придать процессу передачи власти в Казахстане (если таковой будет запущен) плавный и стабильный характер.

Опасность будет представлять сценарий внутриэлитной борьбы за власть, который может перекинуться на общество, где имеются потенциальные зоны дестабилизации и протестные группы с радикально настроенными участниками. Не исключают в Казахстане и возможности возникновения на границах вооруженного конфликта. Для противодействия этим и другим потенциальным угрозам безопасности казахстанское руководство готово будет применить новое «оружие» – «гибридные методы», о которых говорится в принятой в сентябре 2017 г. пятой по счету военной доктрине Республики Казахстан⁷.

В отличие от Казахстана, где президент и его ближайшее окружение направляют все основные процессы развития страны, а верховной власти удастся поддерживать внутриэлитный баланс, Кыргызстану в целом свойственна политическая нестабильность.

За годы независимости страна пережила две революции с применением насилия, здесь сменилось в общей сложности 29 премьер-министров, 16 спикеров, 10 раз менялась Конституция. Президентская власть в Кыргызстане традиционно слабее, чем в других центральноазиатских республиках, а кла-

ново-региональные (между «севером» и «югом») и национальные (между киргизами, узбеками, таджиками) противоречия несравненно острее. Тем не менее именно Кыргызстан, наряду с Украиной, Молдовой, Пакистаном и другими, отнесен к категории «частично свободных стран» в ежегодном докладе международной правозащитной организации *Freedom House* «Свобода в мире в 2018 году»⁸. Такую оценку Кыргызстан заслужил в значительной мере потому, что стал первым в ЦА государством, сделавшим реальные шаги в сторону учреждения парламентской модели, считающейся в правозащитных кругах более демократичной в сравнении с президентской. Однако не все в таком транзите однозначно, и есть большие сомнения в том, что смена политических вех сможет обеспечить Кыргызстану мир и спокойствие.

Впервые проект новой Конституции, предполагавший переход к парламентской форме правления, был вынесен на конституционный референдум, состоявшийся 27 июня 2010 г. Под впечатлением от кровавых событий «тюльпановой революции» (см. о ней подробнее: [Акаева 2006]) инициаторы конституционной реформы намеревались исключить концентрацию власти в одних руках и злоупотребление ею, создать систему сдержек и противовесов для реального разделения ветвей власти, для чего нужно было, по их мнению, возложить на парламент ключевую роль в системе государственной власти⁹.

Однако одобренная на референдуме Конституция говорила скорее о реали-

7 Указ Президента Республики Казахстан от 29 сентября 2017 года № 554 «Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан» (2017) // Министерство обороны Республики Казахстан. 29 сентября 2017 // <https://mod.gov.kz/rus/dokumenty/ukazy/?cid=0&rid=4208>, дата обращения 14.04.2018.

8 Freedom in the World 2018. Kyrgyzstan (2018) // [Freedomhouse.org](https://freedomhouse.org) // <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2018/kyrgyzstan>, дата обращения 14.04.2018.

9 Временное правительство (комментарии к проекту Конституции Кыргызской Республики) (2010) // [AKIpress.org](http://akipress.org). 9 июня 2010 // <http://akipress.org/constitution/news:1791>, дата обращения 14.04.2018.

зации смешанной – парламентско-президентской – модели.

Так, согласно статье 64 Конституции, за президентом закреплялись значимые полномочия: назначение выборов в Жогорку Кенеш (парламент) и местные кенешы; представление парламенту кандидатур для избрания на должности судей Верховного суда, назначение Генерального прокурора, внесение в Жогорку Кенеш кандидатуры для избрания на должность председателя Национального банка и др.¹⁰

За президентом также сохранили право представлять Кыргызскую Республику внутри страны и за ее пределами; назначать по согласованию с премьер-министром глав дипломатических представительств и постоянных представителей в международных организациях, отзывать их. Президент является Главнокомандующим Вооруженными Силами Кыргызской Республики, определяет, назначает и освобождает их высший командный состав, возглавляет Совет обороны, предупреждает о возможности введения чрезвычайного положения, а при необходимости вводит его в отдельных местностях без предварительного объявления¹¹.

Новые поправки (около 30) внесены в Конституцию Кыргызстана по итогам состоявшегося 11 декабря 2016 г. конституционного референдума, и самая значительная из них касалась сокращения полномочий президента. На прошедших 15 октября 2017 г. президентских выборах, знаменовавших собой столь непривычную для Кыргызстана неревOLUTIONционную передачу власти, президент Алмазбек Атамбаев до-

бровольно сложил полномочия, передав бразды правления новому лидеру – кандидату от правящей Социал-демократической партии и бывшему премьер-министру Сооронбаю Жээнбекову. Но уже с весны 2018 г. в Кыргызстане обнаружались первые признаки политического кризиса, заставившие заговорить об угрозе двоевластия¹². Станет ли эксперимент с «политическим моделированием» стратегической ловушкой для новоиспеченной центральноазиатской демократии, покажет время. Можно только надеяться, что Кыргызстан, где в избытке имеются неустоявшиеся со времен «революций» проблемы, не погрузится в очередную межклановую конфронтацию, риск возникновения которой весьма значителен.

Укрепление вертикали власти в президентских республиках

Долгое время после окончания в 1997 г. гражданской войны правящей элите Таджикистана удавалось проводить собственную политическую линию, эксплуатируя страхи населения по поводу возможности возобновления межтаджикского вооруженного противостояния. На руку правительству играло и то, что полевых командиров и лидеров оппозиции удалось вытеснить с политической арены, а оставшиеся оппозиционеры из ПИВТ не играли заметной роли в политике.

В силу объективных причин тенденция по формированию сильной президентской власти затронула Тад-

10 Конституция Кыргызской Республики (2010) // Gov.kg. 27 июня 2010 // http://www.gov.kg/?page_id=263&lang=ru, дата обращения 14.04.2018.

11 Конституция Кыргызской Республики (2010) // Gov.kg. 27 июня 2010 // http://www.gov.kg/?page_id=263&lang=ru, дата обращения 14.04.2018.

12 Атамбаев vs Жээнбеков: Киргизия начала движение к двоевластию? (2018) // EADaily.com. 2 апреля 2018 // <https://eadaaily.com/ru/news/2018/04/02/atambaev-vs-zheebekov-kirgiziya-nachala-dvizhenie-k-dvoevlastiyu>, дата обращения 14.04.2018.

Таджикистан гораздо позже других центральноазиатских республик. Это было связано со слабой институционализацией власти после гражданской войны и отсутствием достаточных финансово-экономических ресурсов у правящего режима. Однако со временем правящая элита Таджикистана активно включилась в процесс консолидации власти и особенно – усиления ее исполнительной ветви. 22 мая 2016 г. в Таджикистане прошел референдум по внесению в конституцию изменений (41 поправка). Наиболее существенными из них стали снятие ограничений на количество сроков правления президента и снижение возраста для кандидатов в президенты, что позволит на следующих президентских выборах, которые планируется провести в 2020 г., вновь выставить свою кандидатуру действующему президенту Эмомали Рахмону¹³.

Закон «Об Основателе мира и национального единства – Лидере нации», подписанный в 2015 г. и принятый в 2016 г. в новой редакции, дает особые права президенту и членам его семьи и наделяет действующего президента особым статусом – основателя независимого Таджикистана¹⁴. Наряду с наращиванием действующим президентом властных полномочий, упрочением властной вертикали, совершенствованием управленческого аппарата, происходит укрепление провластных институтов, что проявилось, в частности, в образовании пропрезидентской Народно-демократической партии Таджикистана (НДПТ) – типичной «партии власти», сросшейся с государственным аппаратом.

Укрепление вертикали власти в Таджикистане нацелено, во-первых, на сохранение полномочий в руках правящего клана, а во-вторых – на предотвращение развития политического процесса в Таджикистане по пессимистическому сценарию (массовые антиправительственные выступления или вооруженные бунты), учитывая масштаб существующих в Таджикистане проблем в социально-экономической сфере, отличающейся крайним неблагополучием. Именно там накапливается негативный потенциал, который способен привести республику к взрыву [Дынкин, Иванова 2014, с. 429, 432]. Угроза может исходить также от внешнего фактора – скрывающихся на территории Афганистана боевиков из числа таджикских оппозиционеров-радикалов исламистского толка и наращивающей свои силы на сопредельном с ЦА афганском Севере запрещенной в России террористической структуры «Исламское государство» [Мальшева 2017, с. 16]. И все же вероятность негативного сценария для Таджикистана выглядит проблематичной, хотя бы потому что система государственной власти все еще сохраняет там достаточную для поддержания стабильности устойчивость.

Сформированная в Узбекистане за годы независимости строго иерархическая, централизованная политическая система позволила снизить остроту разногласий между кланами, представлявшими на разных уровнях управления государством выходцев из различных регионов Узбекистана. Власти удалось уничтожить или загнать в подполье участников радикальных

13 Неизменные черты референдумов Центральной Азии (2016) // Радио Аззатк. 22 мая 2016 // <http://rus.azattyk.org/a/cas-referendums/27750477.html>, дата обращения 14.04.2018.

14 Закон Республики Таджикистан об основателе мира и национального единства – лидере нации (2015) // President.tj. 25 декабря 2015 // <http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/951>, дата обращения 14.04.2018.

исламистских движений, легализовав официально признанные течения умеренного ислама. Вместе с тем преследованиям подверглись оппозиционные политики и их партии, обвиненные в антигосударственной деятельности. Насколько справедливы были такие обвинения против отдельных представителей оппозиции, судить сложно из-за закрытого характера политической системы Узбекистана времен И. Каримова.

Последовавший в республике после его кончины 2 сентября 2016 г. политический транзит был осуществлен достаточно плавно: 4 декабря 2016 г. прошли досрочные президентские выборы, победителем которых, как и предполагали многие, стал премьер-министр и кандидат от Либерально-демократической партии Узбекистана Шавкат Мирзиёев; а 14 декабря на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Высшего Собрания Республики Узбекистан (Олий Мажлиса) Мирзиёев торжественно вступил в должность, став вторым президентом Узбекистана за всю независимую историю этой республики.

Задачи, стоящие перед новым руководством, сложны и многоплановы. Стало очевидно, что сложившаяся в Узбекистане политическая система, которая была замкнута на фигуре первого президента, не очень приспособлена для решения проблем, касающихся, в первую очередь, экономической и социальной сфер. Не отвечали больше потребностям страны и императивам ее развития финансово-экономические отношения прежней, каримовской эпохи. Поэтому трансформацию политической системы многие в Узбекистане

связывают с переходом от изоляционизма и экономической модели импортозамещения к экспортоориентированному развитию¹⁵.

По форме Туркменистан – президентская республика, которой в наибольшей степени по сравнению с другими странами региона присущи характеристики авторитарной политической системы.

В силу того, что Туркменистан остается самым закрытым в ЦА, судить о его политической системе и о происходящих в республике политических процессах можно только по внешним или косвенным признакам. В целом сформированную за годы независимости политическую систему Туркменистана отличают жесткая вертикаль управления, единоначалие верховного руководителя и монопольный контроль над ресурсным потенциалом страны.

Состоявшиеся в Туркменистане 12 февраля 2017 г. президентские выборы – первые с момента внесения в Конституцию (принята 14 сентября 2016 г.) изменений, согласно которым президентские полномочия увеличиваются с пяти до семи лет и снимается верхнее возрастное ограничение (70 лет) для избрания президента – не принесли сюрпризов, даровав победу действующему президенту Гурбангулы Бердымухамедову. Таким образом, политическая система Туркменистана остается практически неизменной со времен первого президента республики Сапармурада Ниязова. И хотя в последние годы вертикаль власти подверглась легкой корректировке, сама политическая система не утратила от этого своей авторитарной сути.

15 Эргашев Б. (2018) Открытие Узбекистана. Итоги первого года президентства Шавката Мирзиёева // EURASIA.expert. 11 января 2018 // <http://eurasia.expert/otkrytie-uzbekistana-itogi-pervogo-goda-prezidentstva-shavkata-mirziyeeva/>, дата обращения 14.04.2018.

Партии, власть и оппозиция

Хотя Назарбаев назвал политические партии «основным строительным материалом, из которого строится здание демократии» [Назарбаев 2017, с. 130], политические партии в Казахстане и других государствах ЦА едва ли можно считать аналогами партийных структур, действующих на Западе, поскольку в ЦА партии созданы часто под конкретного лидера и – если не являются «партией власти» – мало влияют на политический процесс.

На политической арене Казахстана действуют 10 политических партий, из которых 8 зарегистрированы официально. Это пропрезидентская Народная демократическая партия «Нур Отан» («Свет Отечества»), практически не имеющая политических конкурентов и занимающая большинство мест в парламенте; «Бирлик» («Единство»); относящая себя к «конструктивной оппозиции» Демократическая партия Казахстана «Ак-Жол», Демократическая партия «Адилет», Народно-демократическая партия «Ауыл», Коммунистическая партия Казахстана, Коммунистическая народная партия Казахстана и Общенациональная социал-демократическая партия [Аликберов, Звягельская 2011, с. 165–170]. Этот широкий политический спектр имеет сформулированный Назарбаевым принципиальный ограничитель, который гласит: «Любые сословные, религиозные, родовые и иные запрещенные Конституцией и законом партии в Казахстане не пройдут» [Назарбаев 2017, с.131].

В Кыргызстане после первой (2005) и второй (2010) «революций» распространилось несколько десятков политических партий. Широко известные партии – такие, например, как «Ата-Жур» («Земля предков») или «Ата-Мекен» («Отчизна»), построенные на идеологической платформе, были полно-

стью структурированы под конкретного лидера, действовавшего в кланово-политической системе координат [Сыроежкин 2011, с. 22]. Да и сами родоплеменные объединения (кланы) и землячества оказывались куда более эффективным инструментом политического процесса, поскольку строили свою работу адресно, а не только во время избирательных кампаний. На состоявшихся 4 октября 2015 г. парламентских выборах в законодательный орган республики (Жогорку Кенеш) вошли 6 партий, среди которых лидирующие позиции заняла Социал-демократическая. Выдвинутый из ее рядов премьер-министр республики Сооронбай Жээнбеков стал победителем прошедших 15 октября 2017 г. президентских выборов, закрепив, таким образом, статус СДПК как партии власти.

В Узбекистане имеется шесть официально зарегистрированных партий: сформировавшаяся на базе Коммунистической партии Узбекской ССР Народно-демократическая партия, Экологическое движение Узбекистана, Социал-демократическая партия «Адолат» («Справедливость»), Либерально-демократическая партия, Партия национального демократического возрождения.

Политические реалии Узбекистана таковы, что здесь процессы партийного строительства продолжают находиться под строгим и неослабевающим контролем президента и правительства. Спецификой процесса партийного строительства в Узбекистане стало и то, что здесь так и не появилась партия власти. Вместе с тем, следуя духу времени, дали о себе знать и некоторые признаки демократизации узбекского общества – появление национальных институтов прав человека (омбудсмена и Национального центра по правам человека).

На парламентских выборах, состоявшихся в Таджикистане 1 марта

2015 г., абсолютное большинство мест получила Народно-демократическая партия Таджикистана, возглавляемая президентом страны, и тогда же по результатам выборов впервые в истории Таджикистана в законодательном органе республики лишились своего представительства ПИВТ и Коммунистическая партия.

Что касается оппозиции, то претендующие в ЦА на оппозиционность политические партии и движения, часть из которых – сами выходцы из властных господствующих групп, ярких альтернативных программ проводимой политике не предлагают, и основной целью большей части из них остается перехват властных рычагов и установление своего контроля над приватизированными активами. Неудивительно, что правящие режимы во всех государствах ЦА воспринимают оппозицию как угрозу своим властным полномочиям.

Среди казахстанской оппозиции выделяются две партии – Общенациональная социал-демократическая партия «Азат» и «Алга», являющаяся правопреемницей закрытой в 2005 г. оппозиционной партии «Демократический выбор Казахстана». 21 декабря 2012 г. Алмалинский районный суд Алматы принял решение признать экстремистской партию «Алга» и запретить ее деятельность в Казахстане.

В Узбекистане в начале 1990-х гг. на роль оппозиции претендовали две крупные политические партии – Народное движение Узбекистана «Бирлик» («Единство») и Партия демократической свободы «Эрк». После того как партия «Бирлик» в 1992 г. была запрещена по обвинению в антиправительственной деятельности, а «Эрк» оказалась вне закона в связи с тем, что лидерам этой партии инкриминировалась организация терактов в 1999 г., место оппозиции попыта-

лась занять основанная в 2003 г. и выступившая с требованием проведения аграрных реформ Партия свободных крестьян. Она, однако, так и не смогла зарегистрироваться, а ее лидер С. Умаров был осужден в 2006 г. за уголовное преступление. Но самым большим репрессиям со стороны властей подверглись участники Исламского движения Узбекистана (ИДУ): оно было запрещено в Узбекистане в 1992 г. и включено рядом стран (Россия, США и др.) в число наиболее опасных террористических организаций. Лишенные возможности продолжать свою деятельность в Узбекистане даже на нелегальной основе, оставшиеся участники ИДУ устремились за пределы республики – преимущественно в Афганистан и Пакистан (в зону племен на афгано-пакистанском пограничье). Там ИДУ распалось на несколько группировок, представлявших собой экстремистски настроенные объединения и продолжавших призывать, по свидетельству американской исследовательницы Марты Брилл Олкотт, к созданию в Узбекистане исламского государства, управляемого по законам шариата [Olcott 2012, p. 253].

Вместе с тем официальная узбекская пропаганда настойчиво связывала все оппозиционные партии с исламом, хотя запрещенные «Бирлик» и «Эрк», например, были скорее националистическими партиями, а незарегистрированная партия «Озод дехконлар» («Свободные крестьяне») являлась светской крестьянской партией. Она ставила практически те же задачи, что и официально разрешенные партии в Узбекистане, однако в отличие от них «Озод дехконлар» выступала за смещение представителей нынешней власти, но только конституционным путем.

Весьма немногочисленная оппозиция в Таджикистане, представленная в основном небольшой группой

правозащитников, не оказывает существенного влияния на политический процесс. Но власть терпит их, чтобы на международной арене создавать Таджикистану благоприятный имидж. Другое дело – исламская оппозиция, действующая по большей части в глубоком подполье либо из-за границы (Афганистан). У нее есть некоторый шанс перехватить протестный потенциал в выгодном для себя направлении, использовать социальные проблемы для антиправительственной борьбы. Однако этой части оппозиции противостоит сильная государственная машина, учитывая, что власть опасается даже «легальной» исламской оппозиции. Об этом говорит запрет в августе 2015 г. достаточно умеренной по своим политическим установкам ПИВТ, которая до того была представлена в парламенте республики несколькими депутатами. Партию лишили возможности распространять информацию, закрыв ее типографию якобы за нарушение санитарных норм. Штаб-квартира ПИВТ была опечатана и закрыта, а руководитель партии Мухиддин Кабири перебрался в Стамбул. В сентябре 2015 г. Верховный суд Таджикистана объявил ПИВТ (насчитывавшую к тому времени около 40 тыс. сторонников) «экстремистской террористической организацией» и запретил ее деятельность¹⁶.

В Туркменистане немногочисленная оппозиция была полностью выведена за пределы правового поля еще в правление С. Ниязова. Оппозиционные лидеры, а также лица, причисленные к таковым и обвиненные властью в антиправительственной деятельности (как это произошло в период президентства

Ниязова с бывшим министром иностранных дел Борисом Шахмурадовым, приговоренным к пожизненному сроку заключения, после чего достоверных сведений о нем не поступало), либо были арестованы, либо сумели выехать за пределы страны, так что едва ли применительно к Туркменистану можно вести речь о какой-то реальной политической оппозиции.

Неформальные политические институты

Они присутствовали долгое время в качестве участников целого ряда политических процессов в постсоветских государствах Центрально-Азиатского региона, но с тех пор многие из этих исторических кланово-политических структур модифицировались. И все же неформальные институты и связи (кланы, жузы и пр.) продолжают играть определенную роль в политической жизни государств ЦА, что привнесло в прошлом и привносит в центральноазиатскую политику наших дней элемент ретрадиционализации.

Как справедливо подмечает российский исследователь А. Грозин, именно у «номадических народов» (казахов, киргизов и туркмен) «клановое сознание оказалось прочнее, чем у народов с многовековой оседлостью» (узбеки и таджики), в то время как для последних знание о том, кто из какого рода и племени, утратило такое значение и актуальность, как у кочевых народов, и стало в значительной мере «функцией внутриэлитных взаимоотношений и сугубо функциональным институтом, облегчающим жизнь»¹⁷.

16 Tajikistan Early Warning: Internal Pressures, External Threats (2016) // International Crisis Group. Europe and Central Asia Briefing, January 11, 2016, no 78, pp. 4–5.

17 Грозин А. (2010) Элиты Туркменистана и центральноазиатские кланы: общее, особенное и трудности модернизации // Perspektivy.info. 21 декабря 2010 // <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=72647>, дата обращения 14.04.2018.

В Казахстане на официальном уровне принято считать, что после провозглашения независимости упразднена основа для разделения казахского социума на кланы. Но на практике принадлежность к тому или иному клану определяет возможности и поле деятельности. В итоге, отмечает А. Грозин, «при всем стремлении власти создать “общество-нацию”, “казахстанцев”, межплеменные различия казахов, первостепенность самоидентификации по линии – жуз-племя-колono [...] (и уже потом – общеказахское или общеказахстанское) остаются приоритетными»¹⁸.

В современном Кыргызстане сохранившееся деление на северные и южные кланы определило многие направления политического процесса в период независимости, став мощным фактором мобилизации масс во времена кризисов, подменяя собой зачастую правовые механизмы.

В Таджикистане разногласия между региональными элитами, проявившиеся до и после межтаджикского конфликта, в настоящее время приглушены. Однако кланово-региональный характер политической системы республики по-прежнему определяет поведение ее политической элиты. Религиозная оппозиция здесь также сформирована по клановому принципу и ориентирована, главным образом, на страны исламского мира. Питательной средой для сохранения клановости в политической сфере является социально-экономический дисбаланс между регионами (Ходжанд, Памир, Каратегин, Гарм, Куляб), кадровая политика в центре и на местах, когда преимущества при назначении на государственные должности имеют представители родственных носителям властных полномочий кланов.

В Узбекистане со времени обретения независимости этнический состав политической элиты оставался относительно однородным, и формировалась она в основном из среды узбеков – выходцев из трех региональных кланов (самаркандского, ташкентского и ферганского). Постепенно власти удалось добиться того, чтобы в целях уравнивания политической системы кланово-региональные различия были задвинуты на второй план. И это придает политической системе Узбекистана и расстановке там сил внутри властных структур неповторимую особенность.

В Туркменистане в силу того, что страна закрыта, а публичность любого лица в ней, кроме президента, неощущается, трудно судить о том, насколько реально те или иные политики представляют кланы, связанные с определенными территориями (Ахалский район, Марыйский, Кизил-Арватский и др.) и племенными группами (теке, йомуды, эрсари и др.), влияют ли они на политику, действительно ли доминирующее положение в высших эшелонах власти занимают представители ахалтекинского клана и насколько прочны их позиции. Можно только догадываться о том, что правящая элита не представляет собой монолита, и клановые группы, возможно, пытаются реализовать свои цели внутри правящей бюрократической иерархии по таким косвенным признакам, как кадровые перестановки.

Анализ политических процессов в центральноазиатских странах позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в государствах региона в целом завершен период постсоветского транзита, и здесь можно зафиксиро-

18 Грозин А. (2010) Элиты Туркменистана и центральноазиатские кланы: общее, особенное и трудности модернизации // Perspektivy.info. 21 декабря 2010 // <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=72647>, дата обращения 14.04.2018.

ровать появление пусть авторитарных, но в целом консолидированных режимов нового типа, формирующих суверенную государственность и независимую внешнеполитическую стратегию. Во-вторых, достижение долгосрочной стабильности потребует от государств в рамках перехода от авторитарных методов к политике, отвечающей потребностям и интересам граждан, задействования широкого спектра мер социальной направленности. В-третьих, совместить потребности модернизации с императивом сохранения стабильности в сложносоставных и остающихся во многом традиционными центральноазиатских обществах, где проведение кардинальных экономических, социальных и политических реформ может быть сопряжено с риском неконтролируемого развития событий, – задача достаточно сложная. Удастся ли безболезненно преодолеть сложный период трансформации, будет зависеть от целой совокупности факторов, а вектор развития, который изберут центральноазиатские страны, неизбежно скажется на направленности многих происходящих в постсоветской ЦА политических процессов.

Список литературы

- Агеев А., Байшуаков А., Сейтимов Е. (2008) Элита Казахстана. Власть. Бизнес. Общество. Алматы: ИНЭС-ЦА.
- Акаева Б. (2006) Цветы зла. О так называемой тюльпановой революции в Кыргызстане. М.: Международные отношения.
- Аликберов А.К., Звягельская И.Д. (ред.) (2013) Трансформация и конфликты в Центральной Азии и на Кавказе. М.: Институт востоковедения РАН.
- Воскресенский А.Д. (ред.) (2006) Политические системы и политические культуры Востока. М.: Восток-Запад.
- Дынкин А.А., Иванова Н.И. (ред.) (2014) Глобальная перестройка. М.: Весь мир.
- Звягельская И.Д. (2009) Становление государств Центральной Азии. Политические процессы. М.: Аспект Пресс.
- Звягельская И.Д. (ред.) (2011) Политический процесс в Центральной Азии. Результаты, проблемы, перспективы. М.: Институт востоковедения РАН.
- Зенькович Н. (2005) Самые секретные родственники: Энциклопедия биографий. М.: ОЛМА-ПРЕСС.
- Кадыров Ш. (2010) Элитарные кланы. Осло: Университет Осло.
- Кривопапов А.А. (ред.) (2016) От Туркестана к Центральной Азии: политическое будущее региона. М.: Научный эксперт.
- Крылов А.Б. (ред.) (2017) Постсоветские государства: 25 лет независимого развития: Сб. статей в 2 т. Т. I. М.: ИМЭМО РАН.
- Лаумулин М.Т. (2016) К вопросу о формировании постсоветской государственности в Средней (Центральной) Азии // Контуры глобальных трансформаций. Т. 9. № 5. С. 95–113.
- Малышева Д. (2017) Афганский кризис и постсоветская Центральная Азия // Мировая экономика и международные отношения. Т. 61. № 8. С. 14–23.
- Назарбаев Н.А. (2017) Эра независимости. Астана.
- Сыроежкин К.Л. (ред.) (2011) Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы. Алматы: КИСИ при Президенте РК.
- Haass R.N. (2018) Liberal World Order // Project-syndicate.org, March 21, 2018 // <https://www.project-syndicate.org/commentary/end-of-liberal-world-order-by-richard-n-haass-2018-03>, дата обращения 25.03.2018.
- Laruelle M. (ed.) (2017) Kazakhstan: Nation-branding, Economic Trials, and Cultural Changes, Washington: The George Washington University.

Lewis D. (2008) *The Temptations of Tyranny in Central Asia*, New York: Columbia University Press.

Olcott M.B. (2012) *In the Whirlwind of Jihad*, Washington: The Carnegie Endowment for International Peace.

Starr S.F. (2006) *Clans, Authoritarian Rulers and Parliaments in Central Asia*, Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program.

Post-Soviet Space

Political Processes in the Republics of post-Soviet Central Asia

Dina B. MALYSHEVA

DSc in Politics, Head of a Division, Center of Post-Soviet Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: dsheva@mail.ru

CITATION: Malysheva D.B. (2018) Political Processes in the Republics of post-Soviet Central Asia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 3, pp. 36–52 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-36-52

ABSTRACT. *The article analyzes contemporary political processes in the newly independent states of post-Soviet Central Asia. The peculiarities of functioning of their centralized political systems, as well as the interaction of the executive (the president and the government) and the legislative (parliament) branches of power are considered in the context of the authoritarian type of government that prevails in most countries of the region. Attention is drawn to the use by the ruling elites for the purposes of political mobilization of procedures for electoral democracy (elections, etc.), which is mostly of a formal nature. The place in the power structures of both officially recognized political parties and opposition ones is defined, which are divided mainly into secular and religious (Islamist). Informal political structures that function in a number of cases in the form of regional communities, territorial or ethnic clans are considered in the article as a specific characteristic of Central*

Asian societies. Based on the analysis of the political process in the Central Asian countries, it was concluded that the whole period of post-Soviet transit has come to an end and that authoritarian but consolidated regimes of a new type are emerging in the region; they form a sovereign statehood and an independent foreign policy strategy.

KEY WORDS: *political process, Central Asia, authoritarian political system, president, authority, political elite, parties, opposition, clans*

References

- Ageev A., Baishuakov A., Seitimov E. (2008) *Elita Kazakhstana. Vlast'. Biznes. Obshchestvo* [Elite of Kazakhstan. Authority. Business. Society], Almaty: INES-TsA.
- Akaeva B. (2006) *Tsvety zla. O tak nazyvaemoj tyul'panovoj revolyutsii v Kyrgyz-*

stane [Flowers of Evil. About the so-called Tulip Revolution in Kyrgyzstan], Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

Alikberov A.K., Zvyagel'skaya I.D. (eds.) (2013) *Transformatsiya i konflikty v Tsentral'noj Azii i na Kavkaze* [Transformation and Conflicts in Central Asia and the Caucasus], Moscow: Institut vostokovedeniya RAN.

Dynkin A.A., Ivanova N.I. (eds.) (2014) *Global'naya perestrojka* [Global Restructuring], Moscow: Ves' mir.

Haass R.N. (2018) Liberal World Order. *Project-syndicate.org*, March 21, 2018. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/end-of-liberal-world-order-by-richard-n-haass-2018-03>, accessed 25.03.2018.

Kadyrov Sh. (2010) *Elitarnye klany* [Elite Clans], Oslo: University of Oslo.

Krivopalov A.A. (ed.) (2016) *Ot Turkestana k Tsentral'noj Azii: politicheskoe budushchee regiona* [From Turkestan to Central Asia: the Political Future of the Region], Moscow: Nauchnyi ekspert.

Krylov A.B. (ed.) (2017) *Postsovetskie gosudarstva: 25 let nezavisimogo razvitiya*. Sbornik statej v 2-kh tt. Tom I [Post-Soviet States: 25 Years of Independent Development. A Collected Papers in 2 volumes. Vol. I], Moscow: IMEMO RAN.

Laumulin M.T. (2016) K voprosu o formirovanii postsovetskoj gosudarstvennosti v Srednej (Tsentral'noj) Azii [On the Formation of Post-Soviet Statehood in Central Asia]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 9, no 5, pp. 95–113.

Laruelle M. (ed.) (2017) *Kazakhstan: Nation-branding, Economic Trials, and Cultural Changes*, Washington: The George Washington University.

Lewis D. (2008) *The Temptations of Tyranny in Central Asia*, New York: Columbia University Press.

Malysheva D. (2017) Afganskij krizis i postsovetskaya Tsentral'naya Aziya [The Afghan Crisis and Post-Soviet Central Asia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 61, no 8, pp. 14–23.

Nazarbaev N.A. (2017) *Era nezavisimosti* [The Era of Independence], Astana.

Olcott M.B. (2012) *In the Whirlwind of Jihad*, Washington: The Carnegie Endowment for International Peace.

Starr S.F. (2006) *Clans, Authoritarian Rulers and Parliaments in Central Asia*, Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program.

Syroezhkin K.L. (ed.) (2011) *Tsentral'naya Aziya segodnya: vyzovy i ugrozy* [Central Asia Today: Challenges and Threats], Almaty: KISI pri Prezidente RK.

Voskresenskij A.D. (ed.) (2006) *Politicheskie sistemy i politicheskie kul'tury Vostoka* [Political Systems and Political Cultures of the East], Moscow: Vostok-Zapad.

Zen'kovich N. (2005) *Samye sekretnye rodstvenniki. Entsiklopediya biografii* [The Most Secret Relatives. Encyclopedia of Biographies], Moscow: OLMA-PRESS.

Zvyagel'skaya I. (2009) *Stanovlenie gosudarstv Tsentral'noj Azii. Politicheskie protsessy* [Formation of Central Asian States. Political Process], Moscow: Aspekt Press.

Zvyagel'skaya I. (ed.) (2011) *Politicheskij protsess v Tsentral'noj Azii. Rezul'taty, problemy, perspektivy* [Political Process in Central Asia. Results, Problems, Prospects], Moscow: Institut vostokovedeniya RAN.